

УДК 94 (470.67) «18/19»

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(конец XVIII – первая четверть XIX в.)**

КИДИРНИЯЗОВ ДАНИЯЛ САЙДАХМЕДОВИЧ

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра
Академии наук Российской Федерации, г.Махачкала, профессор, вед.н.с.*

daniyal2006@rambler.ru

Ключевые слова: *Россия, Кавказ, договор, присоединение, политика, религия, суд, школы, присяга, аманат.*

Официальные основания для распространения юрисдикции России на Северный Кавказ появляются в конце XVIII в. после Кючук-Кайнарджийского (1774г.) и Ясского (1791 г.) российско-турецких трактатов, а реальная российская власть в регион стала приходить только в XIX в.

После окончания русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора начинается постепенное вовлечение Северного Кавказа в сферу административного влияния России.

Необходимо отметить, что широкая градостроительная деятельность положила начало российской колонизации в регионе. Российское правительство начало с укрепления и расширения старых и возведения новых крепостей Моздокско-Азовской линии (Кизляр, Моздок, Екатериноград, Ставрополь и др.). Эти военно-административные центры Российского государства на Северном Кавказе затем стали опорными пунктами Кавказской укрепленной линии. Комендантам городов-крепостей вменялось в обязанность собирать сведения о соседних местных народах.

Российские власти пытались применить в регионе аманатство (заложник). Заложниками в основном становились представители местной знати и они регулярно обменивались на новых. Так, в Кизляре для заложников был выстроен специальный «двор». [1]

Кизляр и Моздок, хотя и возникли как форпосты русской оборонительной линии и опоры колониальной политики царизма на подступах к горному Кавказу, играли объективно и иные важные функции в регионе. Так, по торговым делам в эти города приезжали представители всех северокавказских народов.

Говоря о воздействии России на северокавказский регион, нельзя обойти вниманием такой вопрос, как распространение христианства в крае.

С 1771 по 1791 год было крещено 4271 представителей местных народов. Всего в 1745-1792 гг. миссионерской комиссией было обращено в христианство осетин, ингушей и кабардинцев 8199 человек. [2] А после упразднения Северокавказской комиссии и учреждения вместо нее весной 1793 г. Моздокско-Маджарской епархии, к которой перешли функции Северокавказской миссионерской комиссии, дело христианизации местного населения пошло ещё успешнее. В первой четверти XIX в. число новокрещенных северокавказцев (осетин, ингушей и кабардинцев), достигло 62249 человек. [3]

Следует отметить, что новокрещенные из числа местных народов получали ценные подарки и денежные вознаграждения, а также имели некоторые экономические льготы. [4]

Укрепление позиций Российской империи в Предкавказье повлекло за собой появление 9 мая 1785 г. указа Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества. В его состав были включены Астраханская и Кавказская губернии. Административным центром стал Екатериноград, а функции наместника возлагались на командующего Кавказской линией П.С.Потемкина. Наместник получил широкие полномочия, подчиняясь непосредственно Екатерине II. [5]

Россия продолжая политику укрепления своих позиций на Северном Кавказе, со второй половины XVIII в. приступает к строительству новых крепостей и усилению уже существующих казачьих городков. На Кубани, Тереке, Сунже возникает ряд казачьих поселений.

В условиях постоянно сохранявшейся напряженности в российско-османских отношениях первостепенное значение в качестве стратегически важного района приобретала Кабарда, оказавшаяся в близком соседстве с Кавказской линией. [6] Как известно, взаимоотношения с кабардинцами начали осложняться с 20 августа 1766 г., когда был издан именной указ, в котором население Кабарды объявлялось «посемейным войском». [7] Командующий на Кавказе учредил здесь должность главного пристава «для наблюдения за кабардинскими князьями». С 1770 по 1781 гг. главным приставом кабардинцев был внук знатного ногойского мурзы Мусы г.-м. Д.В. Тоганов. [8]

В начале XIX в. значительную территорию Южного Дагестана занимало Кюра-Казикумухское ханство. В 1812 г. кавказская администрация образовала Кюринское ханство во главе с правителем Аслан-ханом. В 1820 г. Кюринское ханство вновь было объединено с Казикумухским под управлением Аслан-хана. [9]

В Дагестане было более 80 союзов сельских общин. Однако в начале XIX в. союз сельских общин Каба-Дарго присоединился к Акуша-Дарго. В 1819 г. А.П. Ермолов назначил главным акушинским кадием Зухум-кади.

В 1812 г. союзы сельских общин Самурской долины (Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара и др.) были поставлены под контроль кубинского коменданта. [10]

Следует отметить, что с конца XVIII в. российскими властями контроль над плоскостной Чечней был поручен кордонным командирам. В начале XIX в. решено было создать здесь систему приставского управления.

Необходимо подчеркнуть, что в 1800 г. «залинейные» жители, с 1796 г. находившегося под управлением командующего Кавказской линией и астраханского военного губернатора К.Р. Кнорринга, были переданы в подчинение назначенного главного пристава коллежского советника К.С. Макарова. В функции главного пристава входило посредничество между местными народами и российскими властями. В его обязанности входило регулирование отношений народов региона с кавказской администрацией, разбор спорных дел и т.д. [11]

Главнокомандующий на Кавказе ген. И.В. Гудович своё видение и структуру российской административной власти в Чечне, в рапорте от 27 октября того же года, представил министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву. Согласно этому документу, российская администрация в регионе стремилась к установлению строгого контроля над вайнахскими селами. Основными представителями российской администрации здесь должны были стать старшины, наделенные правами частных приставов. Кроме того, они должны были стать связующим звеном, посредниками, между высшими представителями российских властей и местным населением. Главный пристав через старшин-приставов должен был доводить до жителей Чечни требования кавказской администрации. Следует отметить, что частным приставом в Малые Атаги, Баян-Ули, Мартан и Озик-юрт был назначен пророссийски настроенный аксаевский князь Хасай-Муса, а в села «Гехи, Шали, Рошин, Амит-юрт и Иннетех» кабардинский владетель Бамаат Девлет-Гиреев. [12]

Абазины до начала XIX в. управлялись своими владельцами, которые подчинялись начальнику Кавказской кордонной линии. В мае 1802 г. над кумскими абазинами (тапанта) и ногайцами, проживавшими в районе Пятигорья, был поставлен главный пристав, непосредственно подчиняющийся Коллегии иностранных дел. В 1804 г. новый пристав снова был подчинен командующему Кавказской кордонной линии. [13]

Прокламацией от 29 августа 1822 г. кавказская администрация учредила в Кабарде Временный суд, состоявший из трех удельных князей и трех младших князей, двух старшин из дворян, одного из вольных земледельцев, секретаря и глашатая. В суде при решении религиозных дел присутствовал кадий. К Прокламации о введении новой формы судопроизводства для Кабарды было включено приложение, состоящее из 27 параграфов. Оно должно было стать «наставлением Временному суду, учрежденному в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особых правил». [14]

На Временный суд также были возложены и полицейские обязанности, несвойственные судебным органам. Так, Временный суд «должен был собирать сведения о народных повинностях и выдавать увольнительные билеты лицам, едущие внутри линии. Билеты едущим за Кубань и в горы выдавались начальником в Кабарде, а едущим в дальние места, в Россию – начальником Линии». [15] Таким образом, свободный проезд адыгов за пределами Кабарды без билетов запрещался. Должность старшего князя Кабарды упразднилась. «Валием» теперь стали называть председателя Временного суда, но его полномочия и функции были очень ограничены. Почти все члены суда имели российские воинские звания.

Таким образом, Временный суд исполнял и административные функции. По существу он превратился в важнейший орган внутреннего управления Кабарды. [16]

В конце XVIII – начале XIX в. система управления ногайцами менялась несколько раз. Так, в 1793 г. российским правительством территория, населенная ногайцами на Северном Кавказе была разделена на три приставства. В самом начале XIX в. управление ногайцами было в ведении Кавказского генерал-губернатора. Несколько позже, с 1802 г., ими ведала Государственная коллегия иностранных дел. Непосредственное управление ногайцами, согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 г., возлагалось на главного пристава и трех частных приставов. Следует отметить, что с учреждением российской администрации на Кавказе, немало из представителей ногайской знати поступили на службу в военно-колонияльные управления. Так, в частности, в 1803 г. главным ногайским приставом был назначен ногаец, ген.-м. Султан Менгли-Гирей. Последний, по представлению главнокомандующего российскими войсками в Грузии П.Д. Цицианова, Александром I был утвержден в этой должности. [17] В 1822 г. российским правительством территория, населенная ногайцами Северного Кавказа, была разделена на четыре приставства. [18] Во главе приставства стоял частный пристав, назначаемый правительством. Частные приставы подчинялись главному приставу, который находился в г. Ставрополе. [19]

Что касается введения института приставства в Ингушетии и Осетии, то оно имело ряд особенностей. В основном в их ведении находились вопросы, касающиеся внутренней жизни местного населения. Следует указать, что А.П. Ермолов над этим правлением предлагал обязательно поставить военного начальника. [20] Необходимо отметить, что до установления в Осетии и Ингушетии приставства надзор за местным населением осуществляли командиры укреплений (редутов) или моздокский комендант. [21]

В 1816 г. А.П. Ермолов выдвинул идею о привлечении осетин к военной службе. С этой целью он предписывал ген.-м. И.П. Дельпоццо вначале из осетин «создать ополчение для внутренней стражи», а затем «ополчение» для охраны Кавказской линии. [22]

Следует отметить, что с активизацией политики России в регионе, кавказская администрация была заинтересована в переселении осетин из горной части на равнину. А.П. Ермолов подчеркивал, что горцев легче подчинить военно-административной власти на

плоскости, чем в «их крепких местах». Из этих соображений, российские власти предложили осетинам занять отведенные под поселения места. [23]

Необходимо указать, что институт приставства получил распространение и просуществовал в регионе несколько десятилетий, став важным инструментом российской политики для осуществления функций надзора и контроля над местными народами. Необходимо указать, что окончательно военно-приставская система управления в регионе сложилась к 1830-1840-м гг. [24]

Кроме того, важной вехой в становлении российской политики на Кавказе стало открытие в 1793 г. Верхнего пограничного суда в Моздоке – для разбора гражданских дел в соответствии с нормами адата (родового права). Он также предназначался для рассмотрения уголовных дел, став апелляционной инстанцией для кабардинских родовых судов. В его составе числились 6 владельцев и 6 узденей от Большой и Малой Кабарды, 2 представителя от армян и грузин, живших в Моздоке, и один представитель от ногайских мурз. [25] Когда кабардинские князья высказали недовольство действиями Верховного пограничного суда, П.Д. Цицианов предложил проект изменения управления кабардинцами на основе принципа невмешательства в их внутренние дела и т.д. Начальникам гарнизонов вменялось в обязанность поддерживать контакт со старшинами. Место пристава занял «управляющий делами Кабарды» ген.-м. И.П. Дельпоццо. [26]

Родовой суд избирался в составе председателя и семи заседателей, включая кадия (из сословия узденей) и подчинялся Верхнему пограничному суду, который рассматривал уголовные дела. Эта мера подвела юридическую основу под наказания кабардинцев, нападавших на воинские гарнизоны и казачьи станицы. Введение нового судопроизводства было встречено всеобщим недовольством, часто выливающимся в открытые выступления (1794, 1795, 1799, 1804). Используя выступления адыгских крестьян переселением, командующий войсками на Кавказской линии ген. Н.В. Медем вернул их на прежние земли, «приведя к присяге на подданство российской императрице». Административный контроль над чеченскими обществами осуществляли кизлярский комендант и командиры кордонов Кавказской линии. [27]

Имея огромную территорию на Северном Кавказе в своих руках, российское правительство решило оформить её присоединение к империи юридическим актом – созданием Кавказского наместничества. 5 мая 1785 г. был дан именной указ Сенату об учреждении Кавказского наместничества. [28]

Однако в связи с выступлением шейха Мансура открытие наместничества затянулось. Ген.-поруч. П.С. Потемкин в донесении от 26 ноября сообщал в Петербург, что раньше января 1786 г. открыть наместничество невозможно. [29]

С учреждением Кавказского наместничества степное Предкавказье было окончательно включено в административную систему Российской империи. [30]

Наместничество просуществовало более 10 лет. В декабре 1796 г. кавказское наместничество было преобразовано в Астраханскую губернию, в которой вводилось губернское правление. Общее военно-гражданское управление было возложено на астраханского военного губернатора. [31]

В ноябре 1802 г. специальный комитет подготовил проект реформ военно-гражданского управления, легший в основу указа Правительствующему Сенату. Согласно реформе, учреждались должности начальника Астраханской и Кавказской губерний, инспектора Кавказской линии и главноуправляющего в Грузии. Из Астраханской губернии выделялась Кавказская с Кизлярским, Моздокским, Ставропольским, Александровским и Георгиевским уездами. [32] Общее управление обоими губерниями было подчинено Военному начальнику Кавказского края в Грузии. [33]

Главноуправляющий князь П.Д. Цицианов, сменивший ген. К.Ф. Кнорринга в 1802 г., получил предписание не вмешиваться в дела местных народов и избегать конфликтных ситуаций. Цицианов предложил свою программу политико-административных реформ в регионе. В 1804 г. он представил на рассмотрение Петербурга проект, основная идея которого сводилась к отказу от форсированных действий и к постепенности при внедрении любых нововведений. Чтобы успешно управлять кавказскими народами, по мнению П.Д. Цицианова, следовало руководствоваться местными обычаями и традициями. [34]

Так в частности, им был разработан план, по которому предполагались меры по привлечению на российскую сторону мусульманского духовенства Кабарды, по подготовке пророссийски настроенных религиозных деятелей на Северном Кавказе. [35]

Следует отметить, что гражданская власть в обеих губерниях передавалась гражданским губернаторам.

Сложившаяся в Кавказской губернии административная система управления местными народами просуществовала в течение 10 лет почти без радикальных изменений.

Однако, со временем российское правительство закрепило преобладание военного управления над гражданским. Кроме того, усилилась тенденция к централизации власти на Кавказе, что отразилось в последующих административно-правовых документах. Необходимо указать, что гражданским властям был придан военно-бюрократический характер, а административный аппарат превращался по сути в военно-полицейскую систему.

Со вступлением России в войну с Персией (1804 – 1813 гг.) и Турцией (1806 – 1812 гг.) административные преобразования на Кавказе замедлились. В 1807 г. надзор над равнинными чеченцами был препоручен главному калмыцкому приставу полковнику А. Ахвердову, где уже действовали свои органы административного управления. [36] Сельские общины чеченцев выступали в роли связующего звена между властями и местным населением. Кавказская администрация всячески стремилась привлечь старшин на свою сторону, используя для этого любые средства. 29 ноября 1811 г. управление чеченцами (а также и кумыками) перешло к кордонным начальникам. [37]

Кроме того, российские власти были заняты укреплением старых и строительством новых оборонительных сооружений в регионе, устройством новых укреплений, форпостов, редутов, в частности строительством Кисловодского укрепления. К строительным работам привлекалось местное население, которое часто терпело злоупотребления со стороны русских чиновников. Естественно, это вызывало недовольство местных жителей, что приводило порой к открытым выступлениям.

Следует отметить, что сложившаяся на первом этапе освоения Кавказа система институтов государственно-административного управления выглядела весьма несовершенной. Формально она повторяла российскую (наместничество, губерния), но уже тогда начинала формироваться система специфических административных и судебных учреждений по управлению кавказскими народами. [38]

В 1816 г. на должность главноуправляющего Грузией вступил А.П. Ермолов. Он получил от Александра I огромные полномочия, позволявшие ему самостоятельно формировать кавказскую политику. Своё видение организации управления Кавказом ген. Ермолов изложил в специальной «Записке» императору. По распоряжению императора А.П. Ермолов разработал план административного переустройства губернии. После поездки на Кавказ группы сенаторов и дебатов в Сибирском комитете был опубликован указ Правительствующего Сената от 24 июля 1822 г. об изменении кавказской административной системы. [39]

Кавказская губерния переименовывалась в область, количество уездов сокращалось до четырех (Александровский уезд упразднился). Ставрополь получил статус губернского

города. Гражданского губернатора сменил начальник области (эта должность поручалась командующему войсками на Кавказе).

В 1816 г. А.П. Ермолов учредил волостное управление в Осетии. Старшины избирались из «уважаемых народом» лиц. [40]

Характерной особенностью созданного к концу первой трети XIX в. управленческого аппарата было наделение властей правами и обязанностями гражданской администрации (помимо совмещения гражданских и военных функций главноуправляющим и начальником Кавказской области, все окружные начальники являлись военными чиновниками). [41]

Военному суду, по-прежнему, вменялась обязанность разбирать уголовные дела, обращаясь к гражданским лишь в случае конкретной просьбы о посредничестве. [42]

В целом административные реформы в конце XVIII – первой четверти XIX в. российского правительства на Северном Кавказе соответствовали интересам правящих классов Российской империи и способствовали дальнейшему укреплению царизма в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. ч.1. СПб., 1869, с.157, 268
2. Каменский. Обращение осетин в христианство в XVIII в. // Труды Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. Тифлис, 1887. с. 142
3. Бутков П.Г. Указ. соч. ч. 1. 439 с.
4. Цагарели А.А. Сношение России с Кавказом. СПб., 1891, с. 35
5. ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. т. 22. № 16194.
6. Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013, с. 92
7. ПСЗ. Собр. 1. Т. 22. № 15432.
8. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. ч. 1. Л. 40.
9. История Дагестана. Т. 2. М., 1968, с. 68
10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988, с.113-114
11. АКАК. Тифлис, т. 1. 1866, с. 730
12. АКАК. т. 3. 1868, с.675
13. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988, с. 43
14. АКАК. т. 6. Ч. 2. 1875. с.471-472
15. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, с.107
16. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). с.115-116
17. ГАСК. Ф.249. Оп. 3. Д. 167. Л.65-70.
18. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017, с.58
19. АКАК. т. 2. 1866, с.994
20. Там же. т. 6. ч.1. 1868, с.685
21. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 1992, с. 79
22. АКАК. т. 6. ч. 1. с. 685; т. 6. ч. 2. с. 362
23. Там же. т. 6. ч. 1. С. 189-190, 362.
24. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. Владикавказ, 2005, с. 323
25. История Востока. т. 4. Кн. 1. М., 2004, с.149
26. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.), с. 116
27. Потто В.А. Два века Терского казачества Владикавказ, т. 2. 1912, с.140, 445
28. Чекменев С.А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII века // Ученые записки. т.13. (обществ. науки). Пятигорск: Пятигорский пединститут. 1956, с. 345

29. Чекменев С.А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII века // Ученые записки. т.13. (обществ. науки). Пятигорск: Пятигорский пединститут. 1956, с. 346
30. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, с. 23.
31. ПСЗ. Собр. 1. т. 24. № 17634.
32. АКАК. Т. 2. С. 1889; Кобахидзе Е.И. Указ. соч. с. 153
33. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). с. 21
34. Покоренный Кавказ. СПб., 1904, с.165-168
35. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000, с. 80-81
36. История Чечни. т. 1. Грозный, 2008, с. 453
37. История Чечни. т. 1. Грозный, 2008, с. 484
38. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. с. 319
39. ПСЗ. Собр. 1. т. 33. №29138.
40. АКАК. т. 6. Ч. 1. с. 685
41. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. с. 321
42. Кидирниязов Д.С. Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е XIX в. // Вестник ИИАЭ. № 2. Махачкала, 2014, с. 30.

XÜLASƏ
RUSIYA HÖKUMƏTİNİN ŞİMALİ QAFQAZDA İNZİBATİ SİYASƏTİ
(XVIII əsrin sonu–XIX əsrin birinci rübü)
Kidirniyazov D.S.

Açar sözlər: Rusiya, Qafqaz, müqavilə, qoşulma, siyasət, din, məhkəmə, məktəblər, and, Amanat.

Məqalədə, sənədlə material və elmi ədəbiyyat əsasında Rusiya dövlətinin yurisdiksiyası regionda necə yayıldığını göstərilir. Burada Rusiya hakimiyyətinin gücləndirilməsi üçün hansı siyasətin həyata keçirildiyi, regionda girovalma, icra hakimiyyəti institutu, hərbi istehkam və yeni şəhərlərin salınması, dini müsəlman və pravoslav müəssisələrinin tikintisi, məktəblərin açılması, yeni məhkəmə icraatının tətbiqi və s. aydınlaşdırılır. Ümumiyyətlə, XVIII əsrin sonu – XIX əsrin birinci rübündə Rusiya hökumətinin Şimali Qafqazdakı inzibati islahatları Rusiya imperiyasının hakim siniflərinin maraqlarına uyğun idi və regionda çarizmin daha da möhkəmlənməsinə səbəb oldu.

SUMMARY
ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE NORTH CAUCASUS
(end of XVIII – first quarter of XIX century.)
Kidirniyazov D.S.

Key words: Russia, the Caucasus, treaty, annexation, politics, religion, court, schools, the oath, Amanat

The article, based on documentary material and scientific literature, shows how the jurisdiction of the Russian state was extended in the region. Here it is also consecrated as the Russian authorities pursued a policy of strengthening their power, planted in the province of hostage-taking, the institution of bailiffs, the construction of military fortifications and new cities, religious Muslim and Orthodox institutions, opening schools, introducing new legal proceedings, etc. In general, administrative reforms at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century of the Russian government in the North Caucasus corresponded to the interests of the ruling classes of the Russian Empire and contributed to the further strengthening of tsarism in the region.

Daxilolma tarixi:	İlkin variant	11.02.2020
	Son variant	16.03.2020